

JEL classification: N54, O14, P21
УДК 94(470)
DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(1).43-70

И.В. Зыкин

*Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук;
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

Целлюлозно-бумажная отрасль на старте первой пятилетки: планы и практики

Аннотация. В Советской России и образованном в 1922 г. Советском Союзе целлюлозно-бумажная промышленность была развита слабо. Отрицательным фактором стала утрата по итогам Первой мировой, Гражданской и Советско-польской войн западных районов, где производилось более трети бумажной продукции. При наличии крупных лесных площадей не хватало ресурсов для их освоения, отсутствовала машиностроительная база. В результате Советское государство ввозило существенные объемы полуфабрикатов, бумаги и картона. В статье предпринят анализ планов ВСНХ СССР по развитию целлюлозно-бумажной промышленности во второй половине 1920-х гг., проектирования и хода строительства предприятий. Выявлено, что главный хозяйственный орган стремился постепенно сократить импорт древесной массы, целлюлозы, бумаги и других необходимых материалов посредством расширения и сооружения производств. В размещении предприятий большую роль играли тресты и региональные хозяйственные органы. Для них новое строительство давало возможность привлечь капиталовложения, создать промышленные центры. Сделаны выводы о том, что масштабные планы по развитию целлюлозно-бумажной промышленности в Советском Союзе во второй половине 1920-х гг. были плохо проработаны с финансовой и кадровой точки зрения, опирались на слабый уровень развития отрасли и отражали оптимистичные

представления экономистов и хозяйственников о потенциале новой экономической политики. Напротив, конкурс проектов целлюлозно-бумажных предприятий 1928 г. отразил переход от децентрализованного к централизованному проектированию объектов и демонстрировал приоритеты советской власти, касающиеся размещения новых производств.

Ключевые слова. Целлюлозно-бумажная промышленность, новая экономическая политика, планирование, ВСНХ СССР, Главлесбум, размещение предприятий.

Информация о статье. Дата поступления 1 февраля 2024 г.; дата принятия к печати 20 марта 2024 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2024 г.

I.V. Zykin

*Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, the Russian Federation*

Pulp and Paper Industry at the Start of the First Five-Year Plan: Plans and Practices

Abstract. In Soviet Russia and the Soviet Union, formed in 1922, the pulp and paper industry was poorly developed. Following the First World War, the Civil War and the Soviet-Polish War, the loss of the western regions, where more than a third of paper products were produced, was also a negative factor. Despite the presence of large forest areas, there were not enough resources for their development, and there was no machine-building base. As a result, the Soviet state imported significant volumes of semi-finished products, paper and cardboard. The article analyzes the plans of the Supreme Economic Council of the USSR for the development of the pulp and paper industry in the second half of the 1920s, the design and progress of construction of enterprises. It was revealed that the main economic body sought to gradually reduce the import of wood pulp, pulp, paper

and other necessary materials through the expansion and construction of production facilities. Trusts and regional economic bodies played a major role in the location of enterprises. For them, new construction provided an opportunity to attract capital investment and create industrial centers. It is concluded that large-scale plans for the development of the pulp and paper industry in the Soviet Union in the second half of the 1920s. were poorly developed from a financial and personnel point of view, were based on the weak level of development of the industry and reflected the optimistic ideas of economists and business executives about the potential of the new economic policy. On the contrary, the competition for projects of pulp and paper enterprises in 1928 reflected the transition from decentralized to centralized design of facilities and demonstrated the priorities of the Soviet government regarding the location of new production facilities.

Keywords. Pulp and paper industry, new economic policy, planning, Supreme Economic Council of the USSR, Glavlesbum, location of enterprises.

Article info. Received February 01, 2024; accepted March 20, 2024; available online March 28, 2024.

Лесные ресурсы в Советском государстве, несмотря на системный кризис в конце 1910-х — начале 1920-х гг. и падение объемов промышленного производства, сохранили свое большое значение в качестве топлива, строительного материала и предмета экспорта. Высшие и региональные партийно-государственные органы, в первую очередь Центральной и Северо-Западной России, Европейского Севера, Поволжья и Урала, были озабочены необходимостью развития лесной отрасли. Большое внимание уделялось целлюлозно-бумажной отрасли. По итогам Первой мировой, Гражданской, Советско-польской войн Советской республикой были утрачены Финляндия, Прибалтика, Западная Белоруссия и Западная Украина, где имелось 75 целлюлозно-бумажных фабрик из 212 (без Финляндии), дававших более 40 % производства бумаги и картона в империи [1, с. 63]. То есть в образован-

ном в 1922 г. Советском Союзе целлюлозно-бумажная промышленность являлась слабым звеном экономики, была существенной зависимостью от импортной продукции и полуфабрикатов. Тогда как эта отрасль замышлялась партийно-государственными органами как фактор культурных преобразований.

Один из малоизученных аспектов — выявление приоритетов советской власти в области финансирования и размещения новых целлюлозно-бумажных предприятий, что актуально и для современного этапа. После кризиса в лесопромышленном комплексе в 1990-х — начале 2010-х гг., в связи с санкциями и переориентацией внешнеторговых потоков происходят изменения в пространственном размещении производственных мощностей и трудовых ресурсов, модернизируется и возводится ряд новых предприятий. По-прежнему в кругах политиков, экономистов, управленцев популярен вопрос: нужно ли развивать отечественные сегменты целлюлозно-бумажной промышленности (например, производство оборудования, химикатов), если можно их импортировать? При этом инфраструктурная, технологическая, кадровая база отрасли создана преимущественно в советский период. В этом отношении изучение опыта развития целлюлозно-бумажной промышленности в 1920-х гг. представляется важным.

Новую экономическую политику следует признать хорошо изученным в историографии этапом. Проблемам экономического развития страны, планирования в 1920-х гг. посвящены труды современников [2–8], отечественных [9–18] и зарубежных исследователей [19–20]. В последние десятилетия вышел ряд работ, в которых предпринят глубокий анализ истории экономики раннесоветского периода [21–25]. В ряде трудов отечественных и зарубежных ученых содержатся сведения о развитии лесной промышленности [26–28] и, в частности, целлюлозно-бумажной отрасли [29–31] в

годы новой экономической политики. Региональный опыт развития лесной промышленности в этот период рассмотрен в работах [32–37]. Однако до сих пор многие значимые сюжеты не исследованы. Причинами такого положения являются частые институциональные реформы, относительная децентрализация политической власти и хозяйственной деятельности.

Какие факторы способствовали тому, что в Советском Союзе в условиях восстановления экономики, ограниченных ресурсов, разработки и начала реализации первого пятилетнего плана именно в целлюлозно-бумажной отрасли был реализован ряд крупных проектов? Использование в качестве базового подхода концепции модернизации, и прежде всего результатов анализа ее ресурсной [38] и фронтирной моделей [39], привлечение плановых документов и архивных материалов о деятельности Главного управления лесной и бумажной промышленности (Главлесбума) ВСНХ СССР, строительстве предприятий позволит понять замысел региональных и центральных государственных и хозяйственных органов развития целлюлозно-бумажной промышленности в центральных, северных и восточных районах страны и особенности практической реализации ряда проектов.

Перспективный пятилетний план

Перспективный план развития бумажной промышленности на 1925/1926–1929/1930 гг., подготовленный Комиссией по новому строительству при Бюро съездов представителей бумажной промышленности при ВСНХ СССР¹, хоть и являлся документом для внутреннего пользования (был набран на печатной машинке), но определял темпы роста потребностей в бумаге и объемов ее производства, перечень

¹ Бюро съездов утвердило его в качестве ориентировочного документа 3 ноября 1925 г., затем уточнения внесла Бумажная секция Особого совещания по восстановлению основного капитала.

объектов реконструкции и нового строительства. Положения авторов плана хорошо аргументированы, опираются на специальные исследования.

Комиссией были установлены потребности 10 выделенных районов (на базе основных центров снабжения продукцией) в бумаге (по основным сортам) и картоне. Согласно расчетам, в стране потребность в этих товарах возрастала за 1925/1926–1929/1930 гг. с 480 тыс. до 945 тыс. тонн. Основаниями для таких предположений являлись увеличение городского населения и развитие промышленности, образования и культуры. Считалось, что ввиду текущего состояния экономики и возможных темпов ее развития это наиболее оптимальные цифры. Несмотря на это, душевое потребление бумаги возрастало только с 3 до 5,7 кг (в Российской империи в 1914 г. — 2,9 кг; в Финляндии в 1924 г. — 9,2 кг, Швеции — 16 кг, Германии — 20 кг, Великобритании — 41 кг, США — 63 кг)².

Сложность осуществления этого плана состояла в том, что в 1924/1925 г. в стране было произведено около 240 тыс. т бумаги и картона, причем из собственных полуфабрикатов изготовлялось чуть более половины продукции. Без проведения мероприятий по расширению предприятий (для чего требовалось обосновать их экономическую целесообразность) импорт бумаги и картона возрос бы за пять лет с 112 тыс. до 575 тыс. т. Соответственно сохранялась зависимость Советского Союза от ввоза древесной массы и целлюлозы. Основным способом решения проблемы становилось расширение действовавших и строительство новых предприятий. По задумке Комиссии по новому строительству, к 1929/1930 г. расширение действовавших производств (установка 10 бумагоделательных машин: на фабриках им. Зиновьева, Окуловской, «Сокол», Малинской, Николае-Павдинской, Добрушской) должно

² Перспективный план развития бумажной промышленности (1925/26–1929/30 оп. г.). М., 1925. С. 2, 9–10, 12, 14–15.

было дать дополнительно к имевшимся мощностям 123 тыс. т бумаги (газетной, печатной, писчей, папиросной) и 5,5 тыс. т картона.

Дефицит лесных ресурсов в районах функционирования производств вынудил Комиссию по новому строительству и тресты инициировать проведение специальных исследований по выявлению запасов сырья. В соответствии с полученными данными были намечены районы, где было целесообразно начать строительство целлюлозно-бумажных предприятий, и одобрены представленные трестами и региональными советами народного хозяйства Европейского Севера, Северо-Запада, Волго-Вятского района, Урала и Закавказья 10 проектов. Но в середине 1920-х гг. получили реальную поддержку проекты Центрального и Ленинградского бумажных трестов, Кондопожского строительства, имевших необходимые ресурсы. Однако в качестве наиболее перспективных районов назывались Камский (благодаря развитому водному транспорту) и Котласский (для экспорта продукции)³.

Распределение бумаги и картона по сортам показало, что отечественные бумажные фабрики лишь минимально удовлетворяли внутренние потребности в газетной бумаге, на 60–70 % — в писчей и печатной бумаге. По плану, в 1927/1928 г. расширение и строительство предприятий должно было принести ощутимые результаты в выработке этих сортов бумаги. В то же время прогнозы показали, что производственный потенциал действовавших производств был ограничен и в 1929/1930 г. не удовлетворял и половины потребности в бумаге и картоне, и сохранялась — в пределах 20 % — зависимость от импорта. Что важно, новые предприятия спустя три года после пуска должны были выпускать 276 тыс. т бумаги и 21,5 тыс. т картона — чуть больше, чем изготовлялось в стране

³ Перспективный план развития бумажной промышленности (1925/26–1929/30 оп. г.). М., 1925. С. 16–24, 54.

в середине 1920-х гг. Получалось, что импорт этих товаров сохранялся (в 1925/1926 г. — 176 тыс. т, спустя пять лет — 149 тыс.), но его значение в отрасли сокращалось (с 48 до 18 % к потребности).

Большой потенциал закладывался в выпуск полуфабрикатов. Потребность в целлюлозе и древесной массе возрастала соответственно с 131 тыс. и 108 тыс. т в 1925/1926 г. до 298 тыс. и 364 тыс. т в 1929/1930 г., изготовление этих товаров — с 73 тыс. и 70 тыс. т до 428 тыс. и 364 тыс. т за тот же период. Итогами такого бурного развития производства полуфабрикатов должны были стать избавление от их ввоза в страну из-за границы и начало экспорта целлюлозы⁴. С этой точки зрения новое строительство, тем более в неосвоенных лесных массивах, выглядело обоснованно.

Среди ресурсов для изготовления целлюлозы и древесной массы, помимо леса, фигурировали (с небольшим увеличением за вторую половину 1920-х гг.) тряпичная полумасса, соломенная масса и макулатура. Существенно возрастала потребность во вспомогательных материалах. Отмечались зависимость целлюлозно-бумажной отрасли от импорта гарпиуса и необходимость расширения добычи колчедана, каолина, глинозема, соды и хлорной извести, которые порой тоже приходилось ввозить из-за границы. Еще одной актуальной проблемой являлось преодоление зависимости от импорта одежды бумагоделательных машин. Даже в 1925/1926 г. потребность в сукнах выражалась в 246 т, а вырабатывалось в стране 4,5 т. Отечественная промышленность могла удовлетворить только 30 % потребности в сетках, притом пригодных для изготовления низших сортов бумаги⁵.

Реализация программы расширения действовавших и строительства новых предприятий требовала

⁴ Перспективный план развития бумажной промышленности (1925/26–1929/30 оп. г.). М., 1925. С. 25–27, 31.

⁵ Там же. С. 32–35.

гигантских затрат — 227,9 млн р. (скорее всего, в ценах 1925/1926 г., т.е. на момент составления плана). Основными источниками финансирования являлись внутренние долгосрочные ссуды и прибыль хозяйственных организаций, хотя они нуждались в уточнении государственными органами. Затраты распределялись по годам пятилетия почти равномерно — в среднем около 40 млн р., за исключением 1926/1927 г., когда в связи с активными работами по новому строительству планировалось вложить 64,5 млн р. В структуре затрат на новое строительство 43 % предназначалось на оборудование (69 млн р. планировалось выделить для приобретения зарубежной техники), 20 % — на здания, 11 % — на рабочие поселки. Дорогостоящие проекты были у «Центробумтреста» (Балахнинский комбинат — 29 млн р., Камский — 38,5 млн), «Ленинградбумтреста» (Сясьский комбинат — 22,7 млн р.) и «Камуралбумлеса» (Тавдинский комбинат — 23 млн р.).

Реконструкция и строительство предприятий позволяли не только сократить импорт, получив за 1925/1926–1929/1930 гг. экономию на валюте в размере 278,5 млн р. (это около 850 тыс. т бумаги, более 100 тыс. т картона, 420 тыс. т древесной массы и 440 тыс. т целлюлозы), но и стимулировать освоение новых лесных массивов. К 1929/1930 г. должен был полностью прекратиться импорт древесной массы и целлюлозы, ввоз в страну бумаги составить 223 тыс. т, картона — 26 тыс. Согласно расчетам, благодаря расширению предприятий себестоимость бумаги могла снизиться за вторую половину 1920-х гг. на 35 %, картона — на 15 %. Тогда как на новых производствах себестоимость бумаги намечалась на 43 % ниже среднего показателя на действовавших заводах после расширения. Эти цифры могли послужить почвой для негативного отношения специалистов к действовавшим предприятиям, однако важно было учитывать более широкий ас-

сортимент их продукции. Итогом должно было стать достижение мирового уровня цен, без чего экспорт полуфабрикатов, бумаги и картона не был возможен.

Финансовое положение целлюлозно-бумажных предприятий выглядело слишком оптимистичным. Реконструкция, расширение и новое строительство обеспечивались прибылью, долгосрочными кредитами, иностранным капиталом, ссудами, причем некоторые (например, заем хозяйственного восстановления) планировалось погасить в 1928/1929 г. на 50 %, а в 1929/1930 г. — полностью. На фоне высоких темпов промышленного развития страны в середине 1920-х гг. эти перспективы считались, скорее всего, оправданными, хотя авторы плана не учитывали возможных конъюнктурных изменений на внутреннем и внешнем рынке, экономических приоритетов власти⁶.

Общее число работников на целлюлозно-бумажных предприятиях возрастало за вторую половину 1920-х гг. с 26,5 тыс. до 37 тыс. (в том числе рабочих — с 8 тыс. до 11,2 тыс.). Налицо две тенденции: увеличение также числа служащих и инженерных кадров (ввиду усложнения технологических процессов, внедрения нового оборудования) и рост производительности труда, обусловленный соотношением динамики объемов производства и количества рабочих, себестоимости продукции. Поскольку школы фабрично-заводского обучения не могли покрыть в перспективе пятилетия потребность отрасли в рабочих, намечалось открыть краткосрочные курсы на ряде предприятий, а для подготовки инженерно-технических специалистов — расширить курсы на Полотнянозаводской бумажной фабрике и организовать новые программы и командировки внутри страны и за границу⁷.

⁶ Перспективный план развития бумажной промышленности (1925/26–1929/30 оп. г.). М., 1925. С. 40–44, 45, 50–51, 68–69, 77, 83.

⁷ Там же. С. 36, 38–39.

Бюро съездов просило президиум ВСНХ СССР передать ему функции одобрения проектов предприятий прочих организаций, участия в отводе лесных дач будущим производствам. Централизации должен был подвергнуться сбор заявок трестов на оборудование⁸. Бумажная секция Особого совещания по восстановлению основного капитала внесла ряд изменений в проект нового строительства. Предполагалось к 1929/1930 г. возвести предприятие в Камском районе и ряд фабрик, сырьем для которых являлись макулатура и солома⁹. По остальным производственно-экономическим параметрам если и вносились изменения, то они не меняли общей ситуации в перспективном развитии целлюлозно-бумажной отрасли. Хотя по отдельным сортам бумаги планировалось существенное снижение себестоимости, но чем оно обеспечивалось в текущих и плановых финансовых условиях, оставалось неясно.

Итак, строительству новых целлюлозно-бумажных предприятий способствовали четыре ключевых фактора: намеченный с середины десятилетия рост потребности в бумаге в стране; изношенность оборудования на действовавших фабриках; высокая себестоимость продукции по сравнению с импортными товарами; актуальность развития собственного производства. Подготовленный пятилетний план развития целлюлозно-бумажной промышленности Советского Союза во второй половине 1920-х гг. остался документом рекомендательного характера, отразив сильные позиции трестов (особенно таких мощных, как Центральный и Ленинградский бумажные тресты, «Северолес» и Камско-Уральский лесобумажный трест) и губернских советов народного хозяйства в проектировании мероприятий по реконструкции и строительству предприятий.

⁸ Перспективный план развития бумажной промышленности (1925/26–1929/30 оп. г.). М., 1925. С. 60–61.

⁹ Там же. С. 62.

Позиция центра и опыт Кондопоги

Проектирование и строительство предприятий осуществлялось по большей части децентрализованно (Центральным, Белорусским, Украинским бумажными трестами, Ленинградским губернским трестом, советами народного хозяйства Нижегородской губернии и Карельской республики). Именно по представлениям этих трестов и советов народного хозяйства Особое совещание по восстановлению основного капитала в июне 1926 г. одобрило проектные мощности Балахнинского, Сясьского и Кондопожского комбинатов (суммарный выпуск товарной продукции равнялся 100 тыс. т газетной бумаги, 5,5 тыс. т оберточной, 77,5 тыс. т целлюлозы). На этапе согласования проектов была запланирована низкая себестоимость продукции (меньше импортной, для оправдания развития отечественного производства) — 90 р. за тонну сухой небеленой целлюлозы и 125 р. за тонну газетной бумаги. Это было соответственно в полтора и два раза меньше реальной себестоимости товаров в тот период. Отсюда весьма высокая рентабельность вложений — 36 % прибыли на основной и оборотный капитал.

К 1927/1928 г. стало понятно, что ни одно предположение Особого совещания по восстановлению основного капитала не могло осуществиться за два года. В чем заключались ошибки? Финансирование проектировавшихся предприятий было ориентировочным, не учитывало инфляцию, из-за чего стоимость рабочей силы, строительных материалов, сырья уже по итогам 1925/1926 г. оказалась выше плановых цифр. Постоянное совещание по строительству при Главлесбуме¹⁰ ВСНХ СССР считало инициативы хозяйственных органов и трестов в обосновании и проектировании новых предприятий не увязанными с общими направлениями развития целлюлозно-бумажной отрасли, а

¹⁰ Главное управление лесной и бумажной промышленности функционировало во второй половине 1920-х гг.

выбор сырьевых баз для снабжения целлюлозно-бумажных комбинатов — неудачным, поскольку в этот период шла острая борьба лесозаготовительных организаций за лесоучастки. Проектировщики не учли и ряд конкретных экономических моментов: отказ от выпуска товарной целлюлозы на Балахнинской фабрике; слабая нагрузка силовых установок на Сясьской фабрике. Все это способствовало значительному повышению себестоимости будущей продукции и угрожало удлинением сроков достижения предприятиями рентабельности¹¹.

Сооружение столь крупных объектов (сложных в технико-технологическом отношении, комбинированных с электроэнергетикой, отдаленных от крупных индустриальных центров) выходило за рамки запланированных сроков по причинам дефицита финансовых, материальных, трудовых ресурсов, недостаточного опыта руководящих и технических кадров. Почти все проекты предприятий характеризовались несоответствием сметной стоимости реальным затратам. Даже после двух лет работ управления строительства не имели точных смет на здания и данных о стоимости оборудования. При этом управления, специалисты которых подготовили титульные списки, порой отступали от них. В связи с этим в 1926 г. постоянное совещание по строительству при Главлесбуме ВСНХ СССР констатировало, что 9 строившихся и реконструировавшихся с 1925–1926 гг. объектов удастся сдать не раньше второго квартала 1927/1928 г. Сооружение производственных и гражданских зданий было признано удовлетворительным, но и менее сложным этапом работ.

Для чего была необходима критика региональных хозяйственных органов, трестов? Результатом предполагалась организация Центрального бюро по

¹¹ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 97. Л. 21–22, 24об.

разработке проектов реконструкции и строительству предприятий. Это позволяло улучшить качество подготовки проектов, уменьшить некоторые расходы, однако не решало проблем технико-технологического характера, так как заказы оборудования за рубежом зависели от экономической и политической конъюнктуры. Но даже Постоянное совещание по строительству при Главлесбуме, оперируя ориентировочными расчетами, намечало себестоимость тонны газетной бумаги в размере 184 р., сухой небеленой целлюлозы — 130 р. Достижение рентабельности трех предприятий хотя бы до уровня 14 % было возможно только при отсутствии роста цен на рабочую силу, строительные материалы, сырье, топливо, пар и энергию, а также в случае освоения в короткие сроки производственных мощностей (что предполагалось в 1930/1931 г.). В результате затраченные на строительство трех фабрик средства (55 млн, по расчетам на конец 1926/1927 г.) могли вернуться к концу 1933/1934 г.¹²

Ярким примером нового строительства в целлюлозно-бумажной отрасли стал Кондопожский комбинат. Подготовительный период, начиная от появления идеи строительства в п. Кондопоге гидроэлектростанции и целлюлозно-бумажного предприятия на заседании Совета труда и обороны в апреле 1921 г. до начала строительных работ (хотя управление строительства было создано в июле 1923 г.), занял соответственно 4 и 6 лет [40, с. 42]. Первоначальный проект комбината стоимостью 3,5 млн р., одобренный президиумом Особого совещания по восстановлению основного капитала 19 июня 1925 г., предусматривал возведение бумажной фабрики мощностью 25 тыс. т продукции и древесно-массного отдела. Планировалось осуществить строительство с четвертого квартала 1925 г. по первый квартал 1927 г. Из-за задержки ссуды от Совета труда и обороны работы первого года ограничились

¹² НАРК. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-2, 15, 22об., 24.

сооружением фундаментов основных корпусов. Однако в связи с заказом оборудования в Германии (первый проект предприятия был разработан в Норвегии) основания зданий пришлось переделывать.

После одобрения в первом квартале 1926/1927 г. проекта и смет ВСНХ и Научно-техническим советом бумажной промышленности в сумме 5,5 млн р. выяснилось, что часть расходов (пошлины, проценты за кредит) сметчики проигнорировали, а цены на оборудование, технический надзор и другие траты, в том числе на жилищное строительство и вспомогательные работы, были ниже существовавших в тот период. Увеличение сроков строительства целлюлозно-бумажного комбината, расчетные ошибки (например, мощность электростанции оказалась ниже проектной, стоимость балансов — в полтора раза выше запланированной) привели к тому, что некоторые агрегаты, изготовленные немецкими фирмами, не могли быть доставлены в страну (из-за неготовности производственных корпусов), а сооруженная к тому времени электростанция обрекалась на бездействие, поскольку ее главным потребителем являлся комбинат. Руководство Главлесбума винило в сложившейся ситуации Карельский совет народного хозяйства — в первую очередь за ошибки проектирования¹³.

26 июня 1929 г. вступила в эксплуатацию Кондопожская бумажная фабрика. Бумагоделательная машина № 1, поставленная немецкой фирмой «Фюльнер», могла производить 29,5 тыс. т газетной бумаги в год [29, с. 157]. Создание промышленного узла в слабозаселенном районе (включал гидроэлектростанцию мощностью 8,5 тыс. л. с., бумажную фабрику с производством до 25 тыс. т газетной бумаги в год с древесно-массным заводом и паросиловой установкой), при дефиците материалов, рабочей силы, квалифицированных кадров, отсутствии опыта строительства в сложных фи-

¹³ НАРК. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 97. Л. 10-12.

зико-географических условиях стало предметом активной пропаганды, заявлявшей о наличии огромных резервов для дальнейшего индустриального роста. Но только спустя три года, в 1932 г., проектная мощность была освоена [34, с. 52]. В 1930-х гг. продолжились как модернизация основного производства, так и строительство новых объектов.

Конкурс проектов целлюлозно-бумажных комбинатов

Последним шансом для продвижения региональными органами власти и целлюлозно-бумажными трестами собственных проектов целлюлозно-бумажных предприятий стал конкурс 1928 г. Для определения наиболее оптимальных проектов строительства комбинатов в Главлесбуме ВСНХ СССР была создана комиссия Научно-технического совета бумажной промышленности. В ее состав вошли председатель А.А. Никитин, заместитель Ф.Ф. Бобров, члены Л.А. Бутылкин, П.М. Горбунов. В течение полутора месяцев, привлекая для консультирования специалистов по лесному, паросиловому, экономическому и строительному направлениям, комиссия должна была провести экспертизу четырех конкурирующих проектов комбинатов, предложенных региональными органами власти и трестами: Усть-Сысольского (Коми автономная область), Котласского, Камского (западнее г. Перми) и Тавдинского¹⁴.

В частности, анализ проекта Тавдинского комбината выявил, что наличие в районе его размещения судоходной р. Тавды, впадающей в Тобол и Иртыш, позволяло снабжать предприятие сырьем и отправлять железнодорожно-водным путем продукцию в Сибирь и Среднюю Азию. В перспективе намечалось проложить железную дорогу от п. Тавды¹⁵ до г. Тобольска.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1. Д. 85. Л. 34, 56.

¹⁵ Тупиковая ветка от г. Екатеринбурга через ст. Егоршино до ст. Тавды была построена в годы Первой мировой войны.

Малонаселенный район Тавдинского комбината обуславливал потребность в завозе рабочей силы, ее обустройстве и продовольственном обеспечении. В этом отношении Тавдинский, Котласский и Усть-Сысольский целлюлозно-бумажные предприятия находились почти в равных условиях. Но п. Тавда был более удален от основных районов потребления целлюлозно-бумажной продукции и находился в более суровых климатических условиях¹⁶.

Обращает внимание, что все предприятия располагались в районах (Европейский Север, Урал), наиболее перспективных с точки зрения развития лесной промышленности, но отдаленных от основных районов потребления целлюлозно-бумажной продукции. Ключевыми критериями экспертизы проектов являлись наличие лесных ресурсов, сплавных путей, железных дорог, рабочей силы, жилищная и продовольственная ситуация. Случай с Усть-Сысольским целлюлозно-бумажным комбинатом показал, что даже отсутствие железной дороги до ориентировочного района размещения предприятия не стало фактором отклонения проекта.

Место расположения предприятия предполагалось на берегу р. Вычегды при впадении в нее р. Дырныс, в 6 км от г. Усть-Сысольска. Это место — вблизи наиболее вероятного конечного пункта железной дороги Пинюг-Усть-Сысольск — не считалось, тем не менее, окончательным, поскольку на площадке отсутствовала достаточная горизонтальная плоскость, и предлагались изменения направлений строительства железной дороги. Годовая мощность комбината равнялась 58 тыс. т писчих и печатных бумаг и 6 тыс. т оберточной бумаги. Предприятие полностью обеспечивалось полуфабрикатами из трех цехов: сульфатной целлюлозы (30 тыс. т в год), натронной целлюлозы (22 тыс.) и древесномассного (11,09 тыс.). Усть-Сысоль-

¹⁶ РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1. Д. 86. Л. 93об., 97, 102-102об.

ский комбинат проектировался как крупное предприятие, оснащенное передовой техникой, с полной механизацией биржи сырья и древесного цеха.

Численность персонала на комбинате определялась в 2 тыс. человек. На заготовке, вывозке и сплаве лесных ресурсов предполагалось задействовать 19 тыс. мужчин и 8 тыс. женщин и подростков. Причем большую часть рабочих составляли местные жители. Завоз из других районов страны не превышал 2 тыс. человек. Напротив, на комбинате 2/3 рабочих (высшей и средней квалификации) планировалось комплектовать или путем завоза людей из других территорий, или путем обучения местного населения.

Потребность Усть-Сысольского целлюлозно-бумажного комбината в древесине (342 тыс. ф. м¹⁷, включая дрова — почти 1 млн ф. м) должна была удовлетворяться за счет эксплуатации массивов 6 лесничеств в бассейнах р. Вычегды и Сысолы и, в случае необходимости, 3 лесничеств в бассейне р. Выми, ниже г. Усть-Сысольска. Из необходимого сырья для целлюлозно-бумажного производства на территории Коми области добывался известковый камень, выпускалась поваренная соль, но эти продукты требовали транспортировки на расстояния от 150 до 500 км. Колчедан должен был завозиться с Урала, гарпиус — из-за границы, глинозем — из Подмоскovie, каолин — из Украины¹⁸.

Исполнительный комитет Коми области явно спешил с подготовкой и утверждением проекта целлюлозно-бумажного комбината — на кону были крупные вложения в железнодорожное и промышленное строительство, которые позволяли связать регион с Европейской частью страны и стимулировать реализацию индустриальных проектов в других отраслях. 20 июля 1928 г. исполнительный комитет утвердил проект

¹⁷ Фестметр — мера учета плотной древесины.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1. Д. 85. Л. 15-16об., 20, 22об.

Усть-Сысольского целлюлозно-бумажного комбината, который планировалось возвести в две очереди в течение 1929/1930–1933/1934 гг. (первая очередь должна была войти в строй в 1931/1932 г.)¹⁹. Осенью 1928 г., не дожидаясь решения центральных органов, исполнительный комитет выделил средства на изыскательские и проектировочные работы, а заключенные Верхне-човской колонии расчистили от леса территорию, где предполагалось возвести комбинат. Однако решение вопроса о разработке проекта комбината со стороны ВСНХ СССР затягивалось.

При вынесении вердикта о старте проектирования Усть-Сысольского целлюлозно-бумажного комбината Главлесбум ВСНХ руководствовался значительными лесными площадями в Коми автономной области, особенно в Северо-Двинском районе, наличием сплавных путей и ряда необходимых ресурсов (поваренной соли, известкового камня), включением в план первой пятилетки сооружения железной дороги до г. Усть-Сысольска и региона как одного из наиболее перспективных в плане развития лесной промышленности. 12 февраля 1929 г. Главлесбум санкционировал начало работ по составлению эскизного проекта предприятия мощностью 55–60 тыс. т писчей и печатной бумаги, вырабатываемой из собственных полуфабрикатов, с использованием отходов для изготовления оберточной бумаги. Стоимость объекта определялась в 40 млн р., включая затраты на мелиорацию. Строительство комбината, на которое отводилось два года, должно было стартовать только с вводом в строй железной дороги до г. Усть-Сысольска²⁰. Именно транспортный фактор сыграл роковую роль в судьбе проекта целлюлозно-бумажного предприятия: в годы первой пятилетки к строительству железной дороги не приступили.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1. Д. 85. Л. 17–17об.

²⁰ Там же. Л. 52–53.

Заключение

В первой половине 1920-х гг. слабо развитая и зависимая от импорта целлюлозно-бумажная отрасль оказалась в числе приоритетных, особенно для региональных хозяйственных органов и трестов Европейского Севера, Волго-Вятского района и Урала, где имелись крупные запасы лесных ресурсов. Масштабные планы расширения и строительства предприятий, подогревавшиеся первыми успехами новой экономической политики, позволяли уже к 1930 г. добиться не только существенного увеличения производства полуфабрикатов, бумаги и картона, но и приступить к экспорту продукции. Однако обладание региональными хозяйственными органами и трестами относительной долей экономической самостоятельности и — в некоторых случаях — налоговыми преференциями, оптимизм руководителей, навеянный строительством социализма, развитием национальных окраин, вступали в противоречие с дефицитом ресурсов и экономическими реалиями. Показательным примером стал проект Усть-Сысольского комбината в Коми автономной области, региональные власти которой инициировали начало строительства без увязки с планами железнодорожного строительства, обрекая дело на неудачу. В целом же достичь показателей стран Европы и Северной Америки, где была развита целлюлозно-бумажная промышленность, опираясь на дореволюционные кадры и импорт техники и технологий, оказалось невозможным в короткие сроки.

Пуск в эксплуатацию в начале первой пятилетки сразу трех целлюлозно-бумажных комбинатов (Балахнинского, Кондопожского и Сясьского) хоть и подавался в печати пафосно, однако не означал успешности экономической политики региональных и центральных партийно-государственных и хозяйственных органов. Напротив, уже в 1927/1928 г. констатировались многочисленные экономические и технические ошибки

ки проектировщиков и региональных хозяйственных органов и трестов, из-за чего строительство многих предприятий оказалось трудно реализуемым. На введенные в строй комбинаты было затрачено времени и ресурсов больше, чем планировалось, из-за чего дефицит целлюлозно-бумажной продукции не был преодолен. Главлесбум ВСНХ СССР, который во второй половине 1920-х гг. выполнял в большей степени консультативную, нежели управленческую, функцию, но обладал более квалифицированными специалистами, стал активнее настаивать на централизации планирования, проектирования и строительства целлюлозно-бумажных предприятий. Это, однако, не уберегло центральный хозяйственный орган лесной промышленности от экономических ошибок, что и показал опыт первых пятилеток.

Список использованной литературы

1. Чуистов В. О развитии бумажной промышленности / В. Чуистов // Плановое хозяйство. — 1939. — № 10. — С. 63–71.
2. Бутковский В. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР / В. Бутковский. — Москва : Государственное изд-во, 1928. — 123 с.
3. К вопросу об индустриализации Сибири / под общ. ред. А. Тамарина. — Новониколаевск : Издание СибЦУПа ВСНХ, 1925. — 91 с.
4. Канторович В.Я. Плановое начало в промышленности / В.Я. Канторович. — Москва : Центральное управление печати ВСНХ СССР, 1925. — 107 с.
5. Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е годы XX в.) / Л.Б. Кафенгауз. — Москва : Эпифания, 1994. — 848 с.
6. Милютин В.П. История экономического развития СССР (1917–1927) / В.П. Милютин. — 2-е изд. — Москва : Государственное изд-во, 1929. — 425 с.
7. Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы / С.Г. Струмилин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Государственное изд-во, 1930. — 533 с.
8. Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР / под общ. ред. А.М. Гин-

збурга. — Москва : Акционерное общество «Промиздат», 1927. — 566 с.

9. Богомазов Г.Г. Формирование основ социалистического хозяйственного механизма в СССР в 20–30-е годы / Г.Г. Богомазов. — Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1983. — 159 с.

10. Залкинд А.И. Очерки развития народнохозяйственного планирования / А.И. Залкинд, Б.П. Мирошниченко. — Москва : Экономика, 1980. — 256 с.

11. История социалистической экономики СССР : в 7 т. / ред. И.А. Гладков. — Москва : Наука, 1977. — Т. 3 : Создание фундамента социалистической экономики в СССР: 1926–1932 гг. — 536 с.

12. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: статьи и современный комментарий / сост. Э.Б. Корицкий. — Ленинград : Лениздат, 1989. — 224 с.

13. Лившиц Р.С. Очерки по размещению промышленности СССР / Р.С. Лившиц. — Москва : Государственное изд-во политической литературы, 1954. — 359 с.

14. Орлов И.Б. Государственная промышленная политика в 1920-е гг.: антикризисная или кризисная модель? / И.Б. Орлов. — EDN TTKOZH // Российские регионы: взгляд в будущее. — 2015. — Т. 2, № 1. — С. 57–84.

15. Погребинская В.А. Разработка методологии генерального плана в конце 20-х — начале 30-х годов / В.А. Погребинская. — Москва : Наука, 1979. — 119 с.

16. Развитие советской экономики / под ред. А.А. Арутюняна, Б.Л. Маркуса. — Москва : Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. — 662 с.

17. Павлюченков С.А. Россия нэповская / С.А. Павлюченков, Д.А. Аманжолова, В.П. Булдаков (и др.). — Москва : Новый хронограф, 2002. — 446 с. — EDN UFHEAD.

18. Струмилин С.Г. На плановом фронте. 1920–1930 гг. / С.Г. Струмилин — Москва : Государственное изд-во политической литературы, 1958. — 624 с.

19. Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928 / А. Эрлих. — Москва : Дело АНХ, 2010. — 248 с.

20. Sutton A. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917 to 1930 / A. Sutton. — Stanford : the Hoover Institution, 1968. — 381 p.

21. Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции / Р.С. Аллен. — Москва : РОССПЭН, 2013. — 390 с.

22. Маркевич А. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. / А. Маркевич, М. Харрисон. — Москва : Мысль, 2013. — 111 с.

23. Фельдман М.А. Власть, ученые, рабочие СССР в годы нэпа : монография / М.А. Фельдман. — Екатеринбург : Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, 2020. — 400 с. — EDN KXBLLN.

24. Ханин Г.И. Почему и когда погиб нэп? / Г.И. Ханин // Ханин Г. И. Экономика и общество в России: ретроспектива и перспектива : избр. тр. : в 2 т. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. — Т. 1. — С. 246–265.

25. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / eds. by R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. — Cambridge University Press, 1993. — 381 p.

26. Парфенов А.Е. Иностраный концессионный капитал в советской лесной промышленности: условия привлечения и результаты использования (1918–1930 гг.) : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 8.00.01 / А.Е. Парфенов. — Волгоград, 2007. — 26 с.

27. Шегельман И.Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.) / И.Р. Шегельман. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — 240 с.

28. Algvere K.V. Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities / K.V. Algvere. — Stockholm : Skogshögskolan Royal College of Forestry, 1966. — 449 p.

29. История целлюлозно-бумажной промышленности России / ред. Ю.А. Гуськов. — Архангельск : Правда Севера, 2009. — 232 с.

30. Малкин И.Т. История бумаги / И. Т. Малкин. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1940. — 189 с.

31. Тягай Д.Н. Бумага и бумажная промышленность СССР. История, технология, товароведение, экономика / Д.Н. Тягай; под ред. Ф.Ф. Боброва. — Москва : Гослестехиздат, 1937. — 427 с.

32. Воейков Е.В. Решение топливной проблемы в Поволжье в 1918–1929 гг. / Е.В. Воейков. — Самара : Изд-во Самарского научного центра РАН, 2013. — 360 с.

33. Нисковский А.А. Политика индустриализации 1920–1930-х гг. и ее реализация в Коми автономной области : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.А. Нисковский. — Ижевск, 2017. — 23 с.

34. Первозванский И.В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии / И.В. Пер-

возванский // Вопросы рационального использования лесов Карелии : сб. науч. тр. / И.В. Первозванский, И.З. Полуйко, С.П. Усков. — Петрозаводск, 1959. — Вып. XIX. — С. 5–75.

35. Петров Б.С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала / Б.С. Петров. — Москва ; Ленинград : Гослесбумиздат, 1952. — 146 с.

36. Пятковский В.П. Осуществление ленинской программы развития производительных сил Европейского Севера СССР (1917–1941 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / В.П. Пятковский. — Ленинград, 1974. — 45 с.

37. Шубин С.И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы / С.И. Шубин. — Архангельск : Изд-во Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2000. — 463 с.

38. Кулагин О.И. Лесопромышленный комплекс Карелии во второй половине XX века: реализация ресурсной модели модернизации моноотраслевого региона : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / О.И. Кулагин. — Саранск, 2020. — 51 с.

39. Джозефсон П.Р. Строительство империи и фронтир советской / постсоветской эпохи / П.Р. Джозефсон. — DOI 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-88-96. — EDN PQSCGU // Уральский исторический вестник. — 2021. — № 4 (73). — С. 88–96.

40. Соколов В. Кондострой / В. Соколов // Советская Карелия. — 1930. — № 7-8. — С. 42–53.

References

1. Chuistov V. On the Development of the Paper Industry. *Planovoe khozyaistvo = Planned Economy*, 1939, no. 10, pp. 63–71. (In Russian).

2. Butkovskii V. *Foreign Concessions in the National Economy of the USSR*. Moscow, State Publishing House, 1928. 123 p.

3. Tamarin A. (ed.). *On the Issue of Industrialization of Siberia*. Novonikolaevsk, Siberian Regional Bureau of the Supreme Economic Council Publ., 1925. 91 p.

4. Kantorovich V.Ya. *Planned Start in Industry*. Moscow, the Central Press Department of the Supreme Soviet of the USSR Publ., 1925. 107 p.

5. Kafengauz L.B. *Evolution of Industrial Production in Russia (Last Third of the 19th – 30s of the 20th Century)*. Moscow, Ehpifaniya, 1994. 848 p.

6. Milyutin V.P. *History of Economic Development of the USSR (1917–1927)*. 2nd ed. Moscow, State Publishing House, 1929. 425 p.

7. Strumilin S.G. *Essays on Soviet Economics. Resources and Prospects*. 2nd ed. Moscow, State Publishing House, 1930. 533 p.
8. Ginzburg A.M. (ed.). *Private Capital in the National Economy of the USSR. Materials of the Commission of the Supreme Economic Council of the USSR*. Moscow, Promizdat Joint Stock Company Publ., 1927. 566 p.
9. Bogomazov G.G. *Formation of the Foundations of the Socialist Economic Mechanism in the USSR in the 20–30s*. Leningrad, Leningrad state University Publ., 1983. 159 p.
10. Zalkind A.I., Miroshnichenko B.P. *Essays on the Development of National Economic Planning*. Moscow, Ehkonomika Publ., 1980. 256 p.
11. Gladkov I.A. (ed.). *History of the Socialist Economy of the USSR*. Moscow, Nauka Publ., 1977. Vol. 3. 536 p.
12. Koritskii Eh.B. (ed.). *What Should be the Plan: Discussions of the 20s: Articles and Modern Commentary*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. 224 p.
13. Livshits R.S. *Essays on the Location of Industry in the USSR*. Moscow, State House of Political Literature Publ., 1954. 359 p.
14. Orlov I.B. *State Industrial Policy in the 1920s: Anti-Crisis or Crisis Model? Rossiiskie Regiony: Vzgl'yad v budushchee = Russian Regions: A Sight into the Future*, 2015, vol. 2, no. 1, pp. 57–84. (In Russian). EDN: TTKOZH.
15. Pogrebinskaya V.A. *Development of the Master Plan Methodology in the Late 20s – Early 30s*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 119 p.
16. Arutinyan A.A., Markus B.L. (eds.). *Development of the Soviet economy*. Moscow, State socio-economic Publ., 1940. 662 p.
17. Pavlyuchenkov S.A., Amanzholova D.A., Buldakov V.P., Vatlin A.Yu., Kuleshov S.V. *NEP in Russia*. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2002. 446 p. EDN: UFHEAD.
18. Strumilin S.G. *On the Planned Front. 1920–1930*. Moscow, State-Owned Political Literature Publ., 1958. 624 p.
19. Erlich A. *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928*. Cambridge, Harvard University Press, 1960. 216 p. (Russ. ed.: Erlich A. *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928*. Moscow, Delo ANKH Publ., 2010. 248 p.).
20. Sutton A. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1917 to 1930*. Stanford, the Hoover Institution, 1968. 381 p.
21. Allen R.C. *Farm to Factory: a Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton University Press, 2003. (Russ. ed.: Allen R.C. *Farm to Factory: a Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Moscow, Rosspehn Publ., 2013. 390 p.).

22. Markevich A., Kharrison M. *World War I, Civil War and Reconstruction: Russian National Income 1913–1928*. Moscow, Mysl' Publ., 2013. 111 p.

23. Fel'dman M.A. *Power, Scientists, Workers of the USSR During the NEP Years*. Ural Institute of Management Publ., 2020. 400 p. EDN: KXBLN.

24. Khanin G.I. Why and when did the NEP die? In Khanin G.I. *Economy and Society in Russia: Retrospective and Perspective. Selected Works*. Novosibirsk, Siberian Institute of Management Publ., 2015. Vol. 1. pp. 246–265.

25. Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge University Press, 1993. 381 p.

26. Parfenov A.E. *Foreign Concession Capital in the Soviet Timber Industry: Conditions for Attraction and Results of Use (1918–1930)*. Cand. Diss. Thesis. Volgograd, 2007. 26 p.

27. Shegel'man I.R. *Forest Transformations (XV–XXI Centuries)*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008. 240 p.

28. Algvare K.V. *Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities*. Stockholm, Skogshögskolan Royal College of Forestry, 1966. 449 p.

29. Gus'kov Yu.A. (ed.). *History of the Pulp and Paper Industry in Russia*. Arkhangel'sk, Pravda Severa Publ., 2009. 232 p.

30. Malkin I.T. *History of Paper*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940. 189 p.

31. Tyagai D.N.; Bobrov F.F. (ed.). *Paper and Paper Industry of the USSR. History, Technology, Merchandising, Economics*. Moscow, Goslestekhzdat Publ., 1937. 427 p.

32. Voeikov E.V. *Solving the Fuel Problem in the Volga Region in 1918–1929*. Samara, Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 360 p.

33. Niskovskii A.A. *Industrialization Policies of the 1920s–1930s. and Its Implementation in the Komi Autonomous Region*. Cand. Diss. Thesis. Izhevsk, 2017. 23 p.

34. Pervozvanskii I.V. Essays on the Development of Forestry and Timber Industry in Karelia. In Pervozvanskii I.V., Poluiko I.Z., Uskov S.P. *Issues of Rational Use of Forests in Karelia. Collected Papers*. Petrozavodsk, 1959, iss. XIX. pp. 12–13. (In Russian).

35. B.S. *Essays on the Development of the Timber Industry of the Urals*. Moscow; Leningrad, Goslesbumizdat Publ., 1952. 146 p.

36. Pyatovskii V.P. *Implementation of the Leninist Program for the Development of the Productive Forces of the European North of the USSR (1917–1941)*. Doct. Diss. Thesis. Leningrad, 1974. 45 p.

37. Shubin S.I. *Northern Region in the History of Russia. Problems of Regional and National Politics in the 1920–1930s*. Arkhangel'sk, Pomorsky State University named after M.V. Lomonosov Publ., 2000. 463 p.

38. Kulagin O.I. *Timber Industry Complex of Karelia in the Second Half of the 20th Century: Implementation of the Resource Model of Modernization of a Single-Industry Region*. Doct. Diss. Thesis. Saransk, 2020. 51 p.

39. Josephson P.R. Empire-Building and Frontier of Soviet and Post-Soviet Times. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural Historical Journal*, 2021, no. 4, pp. 88–96. (In Russian). EDN: PQSCGU. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-88-96.

40. Sokolov V. Condo Building. *Sovetskaya Kareliya = Soviet Karelia*, 1930, no. 7-8, pp. 42–53. (In Russian).

Информация об авторе

Зыкин Иван Валерьевич — кандидат исторических наук, докторант, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; доцент, кафедра истории России, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: zivverh@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-9994-6036>; SPIN-код: 6985-6844; AuthorID РИНЦ: 1001256.

Author

Ivan V. Zykin — Ph.D. in History, Doctoral Student, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Russian History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: zivverh@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-9994-6036>; SPIN-Code: 6985-6844; AuthorID RSCI: 1001256.

Для цитирования

Зыкин И.В. Целлюлозно-бумажная отрасль на старте первой пятилетки: планы и практики / И.В. Зыкин. — DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(1).43-70 // Историко-экономические исследования. — 2024. — Т. 25, № 1. — С. 43–70.

For Citation

Zykin I.V. Pulp and Paper Industry at the Start of the First Five-Year Plan: Plans and Practices. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2024, vol. 25, no. 1, pp. 43-70. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(1).43-70.